

В больничной палате Янь Пин заканчивал обсуждать с лечащим врачом последние формальности. Спасенный им Чу Юй заблаговременно внес на счет клиники щедрый депозит, избавив его от бумажной волокиты и споров о расходах, поэтому выписка обещала пройти быстро и без лишней суеты.

Выслушав напутствия доктора и поставив подписи на бланках, Янь Пин наконец получил разрешение отправиться домой. Вещей у него почти не было.

— Слыхал я, будто у тебя два ребра всмятку, — раздался ядовитый смешок Е Тина, стоявшего неподалеку. В его глазах так и сквозило злорадное нетерпение, предвкушающее скорый крах соперника. — А ты уже на выход намылился? Уж не подделал ли ты медицинскую карту, симулянт?

Янь Пин даже не повернул головы. Разговаривать с этим ничтожеством не хотелось. Сменив больничную пижаму на повседневную одежду, он взял со стола корзину с фруктами, которую прислал Чу Юй. Но стоило ему сделать шаг к выходу, как из коридора донесся гулкий, хаотичный топот множества ног, стремительно приближающийся к палате.

Янь Пин замер. Ему хватило секунды, чтобы сообразить, в чем дело. Он спокойно вернул фрукты на тумбочку, подошел к двери и плотно ее затворил. Одарив ледяным, многозначительным взглядом сияющего от глупого восторга Е Тина, который явно не понимал, чем пахнет дело, Янь Пин не спеша направился в ванную комнату.

Не прошло и пары минут, как снаружи раздался оглушительный удар. Свора разъяренных людей навалилась на дверь палаты, заставив хлипкое дерево жалобно затрещать. Сквозь преграду донесся неистовый, истеричный ор, от которого закладывало уши:

— Вылезай, мразь! Хватило духу сотворить такое, так имей яйца выйти к нам!

— Что, сука, смелый был? А ну иди сюда, покажи свою прыть твоему бате!

— Ссышь, говнюк? Открывай дверь, блядина!

— Тварь, ублюдок, червь помойный!

— Мать твою за ногу, сука! Дайте мне только войти, я тебя закопаю!

Бешеные проклятия мешались со скрежетом и грохотом ударов в дверь. Сквозь узкое смотровое окошко посреди полотна виднелись искаженные яростью лица нападавших. Е Тин, до этого предвкушающе ухмылявшийся в углу палаты, вдруг почувствовал, как улыбка сползает с его лица, а внутри зарождается липкий холодок. Напор толпы оказался слишком

жутким.

Его изначальный план был прост: слегка проучить Янь Пина, растоптать его репутацию и выставить на посмешище. Для этого он через подставных лиц натравил в сети фанатов тех звезд и блогеров, которых Янь Пин когда-то задел. Но Е Тин никак не ожидал, что дело примет столь опасный оборот. На кону стояла жизнь.

Разъяренная толпа невменяема, а когда коллективный психоз достигает апогея, люди способны на любое зверство. Глядя на оскалы беснующихся безумцев за стеклом, Е Тин стремительно бледнел.

До него наконец дошло: его крупно подставили. В их кругах желающих стереть Янь Пина в порошок хватало с избытком. То, что сам Е Тин долго не мог выйти на след соперника, вовсе не означало, что влиятельные люди не знали, где тот находится. Они просто ждали дурака, который сделает за них всю грязную работу. И этим дураком — козлом отпущения — стал он.

Такая бешеная ненависть толпы не могла вспыхнуть сама по себе — здесь явно поработали профессиональные провокаторы. В этой своре наверняка прятались зачинщики, чьей задачей было довести градус ярости до предела. Подстрекаемая ими толпа просто забьет Янь Пина до смерти прямо в палате. А все обвинения в убийстве падут на него, Е Тина.

В конце концов, все его манипуляции в сети и слив больничного адреса Янь Пина оставляли слишком явные следы. Если прольется кровь, Е Тину конец. Ему не отмыться.

Трясущимися пальцами Е Тин выхватил телефон и набрал номер своего приятеля, державшего частное охранное предприятие. Он сбивчиво заорал в трубку, требуя немедленно прислать людей для защиты Янь Пина.

Друг поначалу решил, что это какая-то глупая шутка, но когда сообразил, во что вляпался этот идиот, разразился трехэтажным матом. Высказав Е Тину все, что думает о его умственных способностях, он со вздохом пообещал спешно наскрести оперативную группу.

Обосранный собственным другом Е Тин потемнел лицом. Не зная, на ком сорвать злость, он уставился угрюмым, тяжелым взглядом на Янь Пина, который в этот момент как раз выходил из ванной.

Янь Пин, скользнув по нему ленивым взглядом, мимолетно подумал, не сводит ли у парня челюсть от вечной унылой мины — другие эмоции на этом лице, кажется, не приживались.

В коридоре, держась поодаль от беснующейся толпы, за происходящим со смесью ужаса и любопытства наблюдали Нин Тянь и его спутники.

— Черт, как бы они его там не пришибли, — с тревогой протянул Янхо. — Они же выглядят так,

словно готовы разорвать Янь Пина на куски и сожрать живьем.

— Может, вмешаемся? — нерешительно предложил Нин Тянь.

Юньлай и Янхо воззрились на него так, словно у того внезапно выросла вторая голова.

— Ты в сказку попал или в игру переиграл? — первым подал голос Юньлай. — Думаешь, сможешь в одиночку раскидать сотню человек?

— И когда это ты успел освоить кунг-фу, а мы не в курсе? — тут же съязвил Янхо, возвращая друга с небес на землю.

Нин Тянь лишь беззвучно открыл рот, не найдя, что возразить на этот шквал дружеского сарказма, и уныло замолчал.

Утихомирив товарища, парни снова уставились на бушующую толпу. Будь там человек тридцать, ну пусть даже пятьдесят — они бы еще рискнули ввязаться в драку. Но лезть втроем на озверевшую сотню было чистым самоубийством. Оставалось только стоять в сторонке и выжидать удобный момент, чтобы хоть как-то помочь.

Ровно в десять часов десять минут утра дверь палаты № 381 отделения ортопедии Народной больницы с треском рухнула под натиском обезумевшей толпы. Люди лавиной хлынули внутрь. Но за долю секунды до того, как они заполнили комнату, Янь Пин, вышедший из ванной со шваброй в руках, сделал резкое движение. С короткого замаха он пнул тяжелую металлическую кровать, заставив ее с грохотом перевернуться на бок.

Е Тин вытаращил глаза от изумления. Янь Пин спокойно встал за этим импровизированным баррикадным щитом, держа швабру на манер боевого шеста, и в одиночку встретил разъяренную волну.

Его лицо оставалось маской ледяного спокойствия, но от самой его фигуры внезапно пахло такой первобытной, удушающей аурой смерти, что толпа невольно замялась. Эти люди, выросшие в мирное сытое время и никогда не видевшие настоящей резни, на инстинктивном уровне почуяли угрозу. Они не знали, да и не могли знать, что перед ними стоит не изнеженный столичный мажор, а канцлер империи Великая Юн. Тот самый Янь Юйшань, чья воля правила государствами, кто вел армии в бой, переламывал ход великих войн и безжалостно отправлял на казнь миллионы пленных.

— Ублюдок! Рисуетса-то как, гляньте на него! Думаешь, схватил швабру и бога за бороду поймал? Сейчас мы тебе покажем, как взрослые дяди дерутся!

Оторопь прошла, сменившись уязвленным самолюбием и новой волной ярости. Толпа ломанулась вперед. Забившийся в самый угол Е Тин шумно сглотнул. Он ведь своими глазами

видел, как Янь Пин шутя перевернул массивную медицинскую кровать, которую едва ли подняли бы трое здоровых санитаров. С такой чудовищной силой в ногах этот монстр мог убить человека одним ударом.

Когда первые нападавшие долетели до него, Янь Пин неуловимым движением ушел с траектории атаки. Он резко взмахнул шваброй. Это обманчиво простое, выверенное движение заставило троих зачинщиков плашмя рухнуть на пол. Черенок швабры прижал их к бетонным плитам с такой силой, что они не могли даже вздохнуть.

Янь Пин с холодным прищуром посмотрел сверху вниз на хрипящую троицу. Он едва заметно усмехнулся, а во взгляде промелькнуло что-то древнее, отрешенное. Прошло слишком много лет с тех пор, как кто-то осмеливался вот так безумно бросаться на него с кулаками. В груди шевельнулось забытое, почти ностальгическое чувство.

Снаружи, за порогом разрушенной палаты, Нин Тянь и его друзья переглянулись. Оставлять человека на растерзание озверевшей толпе они не могли, каким бы подлецом ни слыл этот Янь Пин. Горячая кровь взяла верх над здравым смыслом — в конце концов, в душе каждого геймера живет неистребимая жажда справедливости. И пусть им было уже за двадцать, юношеский запал еще не угас. Схватив у онемевшей от страха уборщицы швабры, веники и ведро с грязной водой, троица с боевым кличем ринулась в пролом.

Однако, влетев в палату, они синхронно дали по тормозам, едва не пропахав кроссовками линолеум. Реакция у топовых игроков была отменной — они успели сообразить, что махать вениками пока не стоит.

Картина внутри кардинально отличалась от их мрачных ожиданий. Это не было избиением беззащитного больного. Скорее происходящее напоминало фильм про кунг-фу, где одинокий мастер лениво отмахивается от жалкой кучки разбойников.

Янь Пин, чья левая рука все еще покоилась в фиксирующей повязке на груди, умело использовал перевернутую кровать и тумбочки как естественные заграждения, заставляя врагов нападать по одному-два человека. Удерживая швабру всего одной рукой, он вращал ее с такой скоростью и силой, что свист стоявшего в воздухе черенка заглушал крики. Каждый, кто делал шаг за черту его досягаемости, мгновенно отправлялся в нокаут.

Когда на полу у его ног скопилось около двух десятков стонущих тел, натиск толпы захлебнулся. Безумие нападавших как ветром выдуло, уступив место животному страху. Даже затаившиеся в толпе провокаторы осеклись, не смея больше выкрикивать призывы к расправе.

— Обалдеть... — не сдержавшись, вслух выдохнул Нин Тянь.

В гробовой тишине этот шепот прозвучал подобно грому. И застывшая толпа, и сам Янь Пин синхронно повернули головы в его сторону.

Нин Тянь замер с открытым ртом.

Янхо молниеносно зажал другу рот ладонью и, виновато улыбнувшись присутствующим, выдавил:

— Извините, я его держу. Вы продолжайте, продолжайте.

«Какое, к черту, продолжайте?! Всю атмосферу испортили, придурки!» — мысленно взвыли недавние зачинщики.

Напряжение спало, сменившись удушающим чувством неловкости. Глупее всех себя чувствовали визитеры. Накачанные злостью из интернета, они шли сюда вершить самосуд и снимать на телефоны унижения Янь Пина, надеясь выложить в сеть его слезы и мольбы о пощаде. А в итоге получили показательную трепку.

Они не то что избить его — подойти ближе боялись. Грозный пыл угас, даже ругательства застряли в глотках. Стоять и смотреть друг на друга было невыносимо, но и отступить просто так не позволяла гордость. Появление троицы со швабрами дало им передышку, но лишь усугубило общую нелепость момента.

Несколько парней из толпы решили перевести стрелки на незваных спасителей, надеясь через конфликт с ними выйти из глупого положения. Они сделали шаг к Нин Тяню, открывая рты для наезда...

Но в этот момент пол ушел у них из-под ног.

Здание содрогнулось от мощного подземного толчка. По стенам побежала дрожь, мебель заходила ходуном, а из коридора донесся нарастающий гул сотен панических голосов:

— Землетрясение! Землетрясение! Спасайтесь!

Верещащие от ужаса голоса закладывали уши. Столы и шкафы с металлическим скрежетом ползали по палате, оконные рамы ходили ходуном, грозя вот-вот лопнуть. Жажда мести мгновенно испарилась перед лицом стихии — толпа, повинувшись животному инстинкту самосохранения, ломанулась к дверному проему, давя и толкая друг друга в попытке прорваться к выходу.

Янь Пин равнодушно отбросил швабру и слегка пнул носком ботинка валяющихся на полу парней, которые все еще тихо скулили от боли.

— Чего разлеглись? Ждете, когда потолок рухнет? Бегите давай.

Он бил аккуратно, соразмеряя силу: кости остались целы, разве что синяки будут цвести долго и болезненно.

Катающиеся кучей-малой зачинщики, ошарашенные сначала побоями, а затем и тряской, опомнились, зашевелились и спешно поползли к выходу. Е Тин же — главный зачинщик этой каши — испарился из палаты в самую первую секунду толчков.

Подхватив корзину с фруктами, Янь Пин двинулся к выходу. По дороге он перехватил за шкурку какого-то перепуганного бедолагу, со страху собиравшегося сигануть прямо из окна второго этажа.

— Через дверь иди, идиот, — холодно бросил он, возвращая того на грешную землю.

Высота здесь была приличная, и в условиях непрекращающихся толчков такой прыжок гарантировал как минимум перелом обеих ног.

Второе отделение Народной больницы специализировалось именно на травматологии и ортопедии. Коридоры мгновенно заполнились прыгающими на одной ноге пациентами, бедолагами на костылях и инвалидных колясках. Врачи и медсестры, надо отдать им должное, не бросили больных: они поддерживали под руки немощных, помогая им ковылять в общем потоке. Плотность толпы пугала — кругом колыхалось море испуганных лиц.

Даже с феноменальными навыками Янь Пину приходилось несладко — людская масса просто несла его вперед, лишая маневра. Земля под ногами продолжала ходить ходуном. Давка росла, проходы сужались, паника грозила перерасти в кровавую бойню. Вдруг в этой суматохе сквозь перила лестничного пролета со второго этажа выскользнул и полетел вниз маленький ребенок лет пяти-шести.

Раздался дружный испуганный выдох очевидцев. Янь Пин мгновенно разжал пальцы, позволяя корзине с фруктами покатиться по ступеням, и в молниеносном полуобороте поймал падающего малыша, прижав к груди.

Ребенок, до смерти напуганный полетом, тут же залился безутешными слезами, намертво вцепившись крошечными пальчиками в воротник его куртки.

Янь Пин брезгливо покосился на свою одежду, которая в одно мгновение оказалась измята и перепачкана детскими слезами и соплями. Он нахмурился, но, глянув на захлебывающегося от плача карапуза, вздохнул и не стал отрывать его от себя. Покрепче прижав к себе живой сверток, он ускорил шаг к выходу.

Заметивший это краем глаза Е Тин пораженно застыл. Подобное милосердие никак не вязалось с обликом Янь Пина. Этот жестокий, эгоистичный человек в обычной жизни скорее раскидал бы мешающую ему толпу пинками, прокладывая дорогу по чужим головам, а не спасал чужих детей. Происходящее казалось абсурдом.

Землетрясение длилось довольно долго, но его магнитуда не превышала пяти баллов. Хотя толчки ощущались отчетливо, серьезных разрушений конструкций больницы не произошло. Выбраться из здания и выйти на просторную прибольничную площадь было лучшим решением — люди испуганно жались друг к другу. Лишь минут через пять подземный гул и вибрация окончательно сошли на нет.

Янь Пин отыскал в толпе бледную от ужаса женщину, которая со слезами благодарности бросилась к нему, бережно передал ей ребенка и, не дожидаясь излияний чувств, развернулся, чтобы уйти.

Не успел он сделать и нескольких шагов, как мимо вихрем пронесся молодой человек. Его лоб был залит кровью, а на лице читалась крайняя степень паники.

Янь Пин прищурился, мгновение размышляя, после чего протянул руку и ухватил бегущего за ворот куртки. Дернув парня на себя, он бесцеремонно заглянул ему в лицо, осмотрел рану на лбу и, убедившись, что это лишь неглубокая царапина, разжал пальцы.

— Брат! — воскликнул Бай Фан, едва осознав, кто его держит. Напряжение и страх мгновенно покинули его лицо. — Боже, ты меня до смерти напугал! Я думал, ты там, в палате, прикован к постели и не можешь выбраться!

Бай Фан планировал навестить брата еще с самого утра, но наткнулся в сети на волну грязи и угроз в его адрес. Пришлось задержаться, чтобы задействовать связи и заблокировать самые агрессивные публикации. Разобравшись с этим, он прыгнул за руль и погнал в больницу, но прямо в дороге его застал подземный толчок. В панике от мысли, что раненый брат может оказаться погребен под завалами, он слишком сильно вдавил педаль газа и на полной скорости въехал в резко затормозившую впереди машину. Разбил лоб он как раз об рулевое колесо.

Янь Пин молча выслушал сбивчивые объяснения и перевел взгляд на деформированный капот сиротливо стоящего неподалеку автомобиля.

— Во сколько влетел?

— Пустяки, страховка покроет, — легкомысленно отмахнулся Бай Фан, но тут же спохватился, и он снова затревожился. — погоди, брат, у тебя же два ребра сломаны! Тебе вообще можно ходить? Вдруг хуже станет?

— Ерунда, — ровно отозвался Янь Пин. — Почти зажило.

«Почти зажило?» — Бай Фан немного успокоился, но беспокойство не ушло до конца. Травмы ребер коварны, даже легкая трещина требует ухода и хорошего питания. Нужно обязательно отвезти брата домой и как следует откормить наваристым бульоном.

Чуть поодаль Нин Тянь, Юньлай и Янхо задумчиво провожали взглядом удаляющуюся парочку. В их головах зрел один большой неразрешимый вопрос.

Этот парень... он совершенно не походил на того мерзавца, о котором трубили на каждом углу. И уж точно никто и никогда не упоминал, что он обладает навыками мастера боевых искусств. Это было за гранью реальности, словно оживший боевик.

Янь Пин уже собирался сесть в машину, как вдруг в его голове зазвучал резкий голос Системы:

«Пожар!»

Движение Янь Пина прервалось. Он замер у открытой дверцы.

«В корпусе китайской медицины, откуда ты только что вышел, вспыхнул огонь»

«Там кто-то остался?» — мысленно спросил он.

«Да. Пятеро»

В отделении традиционной медицины прижигание, иглоукалывание и вакуумные банки были повседневной рутинной. Соответственно, запасы медицинского спирта, горючих смесей и сухой ваты там исчислялись литрами и килограммами. Использовался в основном высококонцентрированный девяностопятипроцентный спирт. Во время подземного толчка, когда перепуганные люди бросились к выходу, горящая спиртовка опрокинулась прямо на массажную кушетку. Пламя мгновенно перекинулось на сухие травы и простыни, за пару минут превратившись в бушующий ад.

Система долго колебалась, прежде чем решила доложить об этом Янь Пину. По правилам, она не должна была бесплатно проводить сканирование окружения и предупреждать пользователя об опасностях — эта функция открывалась исключительно за очки заслуг, что служило отличным стимулом для активности носителя. Однако, чувствуя за собой вину за недавнюю подножку, которую она устроила своему подопечному, Система решила пойти на уступку и сделать исключение.

Информация была передана, а уж как ей распорядиться — решать самому Янь Пину. Огонь шутить не любит, а у него сейчас не было при себе ни защитных артефактов, ни оружия. Единственный демонический зверь, с которым он заключил контракт, — маленькая кошк-целитель, бесполезная в бушующем пламени. Отказ лезть в пекло был бы вполне логичным и ожидаемым шагом.

В конце концов, пусть их основной задачей и являлся сбор очков заслуг, безопасность носителя всегда оставалась в приоритете. Алгоритмы Системы никогда не принуждали людей совершать безумства за гранью их физических возможностей. Найти разумного с подходящей силой души

было слишком трудной и редкой удачей, чтобы разбрасываться ценными кадрами.

Такие понятия, как эмпатия или жалость, были чужды Системе. Создавшие ее сущности не обладали эмоциями, и их творение унаследовало эту холодную расчетливость. Даже если бы в ее коде существовал намек на сострадание, чистая логика все равно ставила бы жизнь Янь Пина выше остальных. В долгосрочной перспективе поиски нового подходящего сосуда могли затянуться на сотни лет. За это время нынешний хозяин успеет спасти гораздо больше жизней и принести несоизмеримо больше очков заслуг.

Янь Пин ничего не ответил Системе. Он лишь медленно обернулся и посмотрел на возвышающееся среди толпы старое, облупившееся здание больницы. Из окон второго этажа правого крыла уже лениво выползали первые струйки плотного черного дыма.

<http://bllate.org/book/18369/1788236>